

М. А. Камалетдинов

75 ЛЕТ НЕФТИ БАШКОРТОСТАНА

Сведения о нефти в Волго-Уральском регионе впервые были опубликованы в 1703 г. в российской газете «Ведомости»: «Из Казани пишут. На реке Соку нашли много нефти». Сведения эти мало кого заинтересовали в то время. Лишь спустя 50 лет промышленное использование нефти из естественных источников пожелали начать башкирский старшина Надыр Уразметов и его сын Юсуп Надыров с компаньонами Асля и Хозя Мосляковыми. Они подали прошение в Оренбургскую губернскую канцелярию о разрешении на постройку нефтяного завода. Хотя в июле 1754 г. последовало Определение Берг-коллегии, разрешающее строительство нефтяного завода, достроить и пустить его в ход не удалось. В 1757 г., после обследования строящегося завода чиновниками Оренбургского горного начальства, Уразметов и его компаньоны были лишены права на разработку нефти. Развитие нефтяного дела замерло на долгие годы.

В 1770 г. академик И.И. Лепёхин, осмотрев места, указанные башкирами, обнаружил «небольшой ключик, состоящий из горной нефти», а также «густой асфальт, истекающий в реку Белую». И.И. Лепёхин писал: «без сомнения заключить можно, что труд и иждивение не потеряются, если сии места надлежащим образом разработать приказано будет». Но данная рекомендация осталась без внимания.

Прошло еще почти сто лет, прежде чем вновь появился интерес к нефтепроявлениям на Волго-Урале.

К тому времени промышленная нефть была получена в 1857 г. в Канаде (Онтарио), в 1859 г. — в США (Пенсильвания), в том же году небольшое месторождение было открыто в Германии (Витце), а затем и в других странах.

В 1863 г. в «Горном журнале» вышла статья: «О вероятности открытия месторождений нефти во внутренних губерниях России», в которой излагалось содержание письма русского консула в Нью-Йорке Р.Р. Остен-Сакена и ответ на него академика Г.П. Гельмерсена. Ссылаясь на обнаружение в Америке нефти в самых различных по возрасту отложениях и даже в тех районах, где раньше не предполагали ее наличия, Р.Р. Остен-Сакен обращается к Горному ведомству с предложением произвести поиски нефти в России. Г.П. Гельмерсен в ответ

пишет, что «в России (не говоря о западном побережье Каспийского моря) нет надежды на открытие нефти, и поиски и разведка, предлагаемые бароном Сакеном, едва ли могли бы увенчаться успехом».

Несмотря на отрицательный прогноз Гельмерсена, ученый комитет Корпуса горных инженеров поручил Г.Д. Романовскому произвести в 1863 г. исследования районов Урало-Поволжья с целью предварительной оценки их перспектив на нефть.

Названному ученому принадлежат замечательные слова, сказанные им после проведенного обследования: «Никто не докажет и не имеет основания утверждать, что отделяющееся по каплям на поверхность горное масло не заслуживает внимания для разведок и не составляет признака богатых подземных его скоплений». Мнение Г.Д. Романовского поддержали профессор Казанского университета А.А. Штукенберг и академик А.П. Павлов.

Вместе с тем геологи С.С. Ерофеев, А.А. Краснопольский, В.И. Миллер и большинство членов Геологического комитета, а также горного департамента считали, что нефтепроявления на поверхности — это лишь остатки былых, а ныне разрушенных месторождений в отложениях пермского возраста. По их мнению, нижележащие образования карбона и девона нефть не содержат. Отсутствие нефти в более глубоких слоях подтверждали, казалось, и скважины, пробуренные в 60–80 гг. XIX в. на глубину до ста метров вблизи источников нефти и не обнаружившие залежи углеводородов. Мнение о бесперспективности на нефть Волго-Уральской области, поддержанное большинством геологов, надолго задержало здесь поисковые работы.

В 1914 г. специалисты нефтяной фирмы «Нобель», опасаясь, по некоторым данным, конкуренции, подтвердили отрицательное заключение по поводу нефтеносности Урало-Поволжья. К аналогичному выводу в 1916 г. пришел и А.П. Замятин, обследовавший выходы нефти в районе Ишимбаево: «нет оснований рассчитывать на получение здесь промышленных количеств нефти», — заключил он. Однако дальнейшая история показала, что нельзя отрицать перспективы тех или иных районов лишь по подозрению, а не на основании знаний.

После 1917 г., во время гражданской войны, восточные районы России оказались отрезанными

от бакинской нефти и Донецкого угольного бассейна. В стране начался топливный голод. Автомобили вместо бензина заправляли спиртом, вместо смазочных масел применяли касторовое и хлопковое. Это вызвало необходимость возобновления поисков нефти в Волго-Уральской области. В 1919–1921 гг. в районе Ишимбаево было пробурено 15 скважин, глубиной до 57 м для уточнения структуры и определения мест заложения глубоких скважин. Но работы по настоянию геологов, отрицавших перспективы нефтегазоносности Волго-Урала, и по распоряжению Главконевти были прекращены. После окончания гражданской войны и освобождения южных нефтяных районов интерес к Урало-Поволжью и вовсе пропал. Силы и средства были брошены на восстановление нефтепромыслов Баку, Грозного и Майкопа.

Присутствие Московского отделения Геологического комитета в 1919 г. дважды обсуждало вопрос о перспективах нефтеносности Самарской и прилегающих областей и пришло к выводу, что «ожидать встретить сколько-нибудь значительное количество жидкой нефти, а не продуктов ее окисления в поверхностно залегающих породах пермской системы нельзя». Представления о первичном характере нефтепроявлений в пермских песчаниках и их истощенности придерживались К.П. Калицкий и Н.Н. Тихонович.

Вместе с тем академики А.Д. Архангельский и И.М. Губкин оставались горячими сторонниками поисков нефти в Волго-Уральской области.

Возвратиться к нефтепоисковым работам здесь помог случай.

В двадцатые годы в Западном Приуралье работал крупный ученый-солевик профессор Павел Иванович Преображенский. В Приуралье он прибыл в качестве заключенного. Начиная с 1919 г., Преображенский арестовывался трижды. В мае 1920 г. А.М. Горький просил Ленина «о смягчении участи Преображенского, крупного геолога, нужного стране».

Свою «нужность» Преображенский доказывал неоднократно. Под его руководством было открыто Верхнекамское месторождение калийных и магниевых солей, а затем месторождение каменной соли в Западном Приуралье. Но особенно большую роль сыграла скважина, заданная Преображенским на разведку калийной соли в районе Верхнечусовских городков, в 170 км южнее Соликамска. Скважина не обнаружила калийных солей, но на глубине 365–371 м в рифовых известняках нижней перми открыла нефть. 16 апреля 1929 г. при опробовании скважины был получен фонтан нефти с дебитом около 40 т/сутки.

Осенью 1929 г. на совещании геологов-нефтяников (под руководством М.М. Губкина) при Главном геологоразведочном управлении ВСНХ СССР в Москве были заслушаны доклады академика

А.Д. Архангельского, проф. П.И. Преображенского, М.Э. Ноинского, К.Р. Чепикова, А.Н. Розанова, А.А. Блохина, С.С. Осипова и Н.Н. Смирнова и намечены для поисковых работ три района: Самарская Лука, Сокско-Шешминский район, Ишимбайский и Красноуфимский районы, а также бассейн реки Юрюзани в Башкирии.

Спустя три года после открытия Верхне-Чусовского месторождения 16 мая 1932 г. из скважины 702, бурившейся в районе пос. Ишимбаево по проекту геолога А.А. Блохина, с глубины 680 м ударил нефтяной фонтан с дебитом 100 т в сутки, возвестивший об открытии в Башкирии крупного скопления черного золота, содержащегося в мощных рифогенных известняках нижней перми. В последующие годы вдоль западного крыла Предуральского прогиба, к югу от Ишимбая, было открыто более пятидесяти погребенных рифовых массивов с богатой нефтегазоносностью.

В связи с открытием Ишимбайского нефтяного месторождения трест «Уралнефть», переименованный в «Востокнефть», в 1931 г. переехал из г. Перми в г. Свердловск. Осенью 1933 г. трест перебазировался в Уфу. Еще в начале 1934 г. в его составе был образован научно-исследовательский сектор (НИС), в котором приступили к работе молодые специалисты — выпускники Казанского университета: Д.Ф. Шамов, А.А. Трофимук, А.Н. Дубровин, Г.С. Порфирьев и А.В. Пахомова.

В 1941 г. было открыто Карлинское месторождение нефти, приуроченное к линейно вытянутой антиклинальной складке. В отличие от рифогенных массивов, нефть здесь содержится в слоистых трещиноватых известняках, слагающих свод антиклинали. Дальнейшим бурением в Предуральском прогибе было обнаружено большое количество аналогичных складок со скоплениями нефти и газа в перми, карбоне и девоне.

Еще в начале тридцатых годов по инициативе К.Р. Чепикова, Н.П. Герасимова и Е.И. Тихвинской были начаты детальные структурно-геологические съемки на западе Башкортостана, благодаря которым в 1933 г. была выявлена обширная антиклинальная структура в Туймазинском районе западной Башкирии, призванная сыграть важную роль в истории нефтяной промышленности республики и страны в целом. Скважины, пробуренные на этой структуре, в 1937 г. впервые вскрыли нефтенасыщенные песчаники визейского яруса, а позже известняки турнейского яруса нижнего карбона. После этого в 1939 г. был создан трест «Татнефтеразведка» (управляющий Б.М. Юсупов), занимавшийся в основном геолого-структурной съемкой и бурением скважин глубиной до 1000 м. С началом войны в 1941 г. трест был переведен в г. Чистополь. К 1943–44 гг. было открыто несколько небольших нефтяных месторождений (Шугуровское, Аксубаевское, Ойкинское и др.).

Особенное значение для нефтедобычи страны имело открытие трестом «Башнефть» в 1944 г. нефти в песчаных пластах девонского возраста на Туймазинском месторождении. Названное месторождение нефти в то время явилось самым богатым в СССР.

В трудах по истории нефтепоисковых работ отмечаются только успехи, и не говорится, в каких сложных условиях тоталитарного режима работали и какую цену заплатили геологи за открытие нефтяных месторождений. Цена эта была слишком большой, чтобы о ней забывать или умалчивать.

Среди создателей «Второго Баку», трудами которых была запущена мощнейшая инфраструктура нефтедобычи и нефтепереработки, значительный контингент составляли заключенные.

Карательные органы были готовы в любой момент навести свой кровавый порядок. Малейшие помехи в работе, связанные с естественными геологическими процессами, рассматривались как злостное вредительство и строго наказывались. Такое отношение к специалистам нанесло большой ущерб нефтепоисковому делу.

В 1936 г. был расстрелян как враг народа Е. Раманевич, работавший с 1929 по 1934 г. главным геологом Востокнефти; другой главный геолог Востокнефти, сменивший на посту названного выше, Я.Л. Давидович был расстрелян в декабре 1937 г. Вместе с ним в этот день расстреляли еще двенадцать нефтяников, среди которых заместитель управляющего Башнефти Р.З. Бучацкий, старшие геологи Б.Я. Авров и Г.Р. Егер, руководитель лаборатории Р.М. Базюк, главный инженер конторы «Башнефть» П.Н. Умников, начальник геологической партии А.В. Максимов, помощник управляющего Всесоюзной конторой геофизразведки «Главнефти» С.А. Фукс и др. В том же году расстреляли начальника Востокнефти, старого большевика С.М. Ганшина. После него сменилось еще несколько главных специалистов этого учреждения, которые навсегда бесследно исчезали. Руководство Башнефти до 1941 г. менялось четыре раза.

Был репрессирован директор ЦНИЛ Г.Ф. Маркарян, угодил в тюрьму выдающийся нефтяник страны проф. К.Р. Чепиков. Его вина состояла в том, что из трех рекомендованных им к бурению скважин в Яблонево Овраге (Жигулевский вал) первые две не дали положительных результатов. За это его посадили. Каким-то чудом ему удалось убедить пробурить и третью. Скважина дала нефть. Чепикова выпустили в конце 1938 или в начале 1939 г. Был расстрелян крупный стратиграф, палеонтолог и нефтяник Г.А. Дуткевич.

В 1937 г. расстреляли Скворцова с группой геологов только за то, что они «занизили этаж нефтеносности Ишимбайского месторождения». 10 лет лагерей получил в 1937 г. А.П. Булмасов, начальник электроразведочных и каротажных партий «Восток-

нефти», в ГУЛАГ угодил геолог Киров, начальник топографической службы Башнефти Шахтарин и многие, многие другие. По далеко не полным данным в тридцатые годы на предприятиях нефтяной промышленности Башкирии было арестовано 139 человек, 39 из них были расстреляны.

Случай из истории нефтепоисковых работ, характерный для тех лет, рассказал нам академик А.А. Трофимук, работавший с 1938 по 1951 г. главным геологом производственного объединения «Башнефть». Некоторые подробности этой истории сообщил также А.М. Байков — бывший главный инженер Башнефти.

В 1943 г., в разгар Отечественной войны, в Предуралье было открыто Кинзебулатовское месторождение нефти, приуроченное, как и в Карлах, к линейной антиклинальной складке. Данное открытие имеет драматическую предысторию. Скважина № 5 Кинзебулатово (сводовая) была испытана с помощью прострела обсадной колонны, но попытки вызвать приток нефти из пород нижней перми успеха не имели.

Отрицательный результат испытания скважины для геологов не казался неожиданным. Нижнепермские отложения, представленные плотными, темными, глинистыми мергелями и аргиллитами, на уровне знаний тех лет считались заведомо непродуктивными.

Геолог В.С. Виссарионов, сообщив по рации руководству в Стерлитамак о неутешительных результатах испытания скважины, пошел в д. Кинзебулатово, где он снимал комнату в деревенской избе.

В условиях военного времени обсадные трубы извлекались из скважин для дальнейшего использования. Буровики приступили к подъему колонны. Рано утром В.С. Виссарионова разбудил дежурный по скважине сообщением, что она фонтанирует нефтью.

Первоначальный дебит нефти составил 2000 т в сутки. Геологи ликовали по поводу открытия нового нефтяного месторождения, а стражи госбезопасности возбудили против первооткрывателей судебное дело, в котором они обвинялись в попытке сокрытия от государства открытого ими же месторождения. Сегодня такое обвинение кажется абсурдным, но в то время партийному руководству страны нужны были «враги народа», нужны не меньше, чем нефть и иные полезные ископаемые.

Санкцию на обвинительный процесс о вредительстве и антигосударственном заговоре, в соответствии с существовавшим в то время положением, должен был дать Башкирский обком ВКП(б).

На заседании бюро обкома А.А. Трофимук выступил с критикой присутствовавшего там же начальника местного НКВД, обвинив его в подтасовке фактов. Не ожидавший подобного поворота дела, секретарь обкома С.Д. Игнатъев обратился с вопросом к С.И. Кувыкину — согласен ли он с до-

водами А.А. Трофимука? Последний дал утвердительный ответ, на что Игнатьев спросил: «Почему же Вы до сих пор молчали?» Кувыкин не ответил. Не мог же он сказать, что испугался.

Санкцию на возбуждение уголовного дела обком не дал. Народный комиссар внутренних дел республики, разумеется, ничего не смысливший в нефтяном деле, был посрамлен, в один миг превратившись из преследователя в обвиняемого. Спустя несколько дней после этого заседания комиссар скончался. А был он, как рассказывает А.А. Трофимук, розовощекий молодой человек. Находясь под жестким прессом большевистской диктатуры, чекисты уничтожали не только других, но и самих себя.

А.А. Трофимук же, спасший таким путем от гибели своих коллег и себя самого, был удостоен звания Героя Социалистического труда.

Рассказанный академиком А.А. Трофимуким и А.М. Байковым случай для эпохи сталинизма является уникальным в том смысле, что в большинстве своем подобные истории заканчивались трагически: специалисты навсегда исчезали за воротами НКВД.

Политические репрессии, пагубно отразившиеся на нефтепоисковых работах по всей стране, посеяли страх и сковали инициативу специалистов, не осмеливавшихся более рисковать. Стремление к знаниям стало крайне опасным делом.

Страхом перед ответственностью объясняются и решения крупного геологического совещания Наркомата нефтяной промышленности СССР, состоявшегося в Уфе весной 1942 г. (незадолго до эвакуации в Москву). Это совещание, собравшее всех ведущих геологов-нефтяников страны во главе с наркомом И.К. Сединым, пришло к выводу о бесперспективности терригенного девона в Туймазах. Из-за этого девонскую нефть, которую можно было открыть еще в 1940 г., открыли с опозданием на четыре года.

В 1944 г. советское руководство решило просчитать возможный результат столкновения армий СССР и США, оказалось, что количество самолетов и танков у СССР и США одинаково, а горючего во много раз меньше: добывали 15 млн. т в год, а необходимо 60 млн. т. Заменяв наркома Седина на Байбакова, правительство потребовало от него ускорения поисков новых месторождений нефти. Тогда вспомнили про девон. Летом 1944 г., пробуравив глубокую скважину в Яблонево-Овраге (Жигули), открыли первую в стране нефть в терригенном девоне. Уже в августе по наркомату был издан приказ, предписывающий всем поисково-разведочным скважинам в Волго-Уральском регионе полностью вскрывать песчано-глинистые отложения девона.

В сентябре 1944 г. из скважины № 100 в Туймазах, из девонского песчаного пласта ударил неф-

тяной фонтан с дебитом 250 т в сутки. Главному геологу Башнефти А.А. Трофимуку за это открытие присудили Государственную премию.

В связи с открытием Туймазинского месторождения в 1945 г. разведка была сконцентрирована на юго-востоке Татарии и трест «Татнефтеразведка» был переведен в Бугульму. В 1946 г. было открыто Бавлинское месторождение в девоне, для эксплуатации которого был создан трест «Татарнефть».

В 1948 г. открыли Серафимовское нефтяное месторождение и получили первую девонскую нефть на Ромашкинской структуре в Татарии, оказавшейся самой крупной в Волго-Уральской области и в СССР. В 1953 г. открыли многопластовое Шкаповское месторождение нефти, а в 1955 г. — крупнейшее Арланское месторождение нефти в отложениях каменноугольного возраста.

В 1945 г. было организовано производственное объединение «Башнефть» с трестом «Башнефтеразведка».

В 1947 г. на базе ЦНИЛ был создан Уфимский нефтяной научно-исследовательский институт (УфНИИ) в составе лабораторий палеонтологии, региональной геологии, стратиграфии и литологии пермских отложений и сектора карбонатных отложений.

Костяк УфНИИ (затем «Башнипинефть», ныне ООО «Башгеопроект») составили упоминавшиеся выше сотрудники ЦНИЛ, а в 1953—54 гг. из Казанского университета прибыли молодые специалисты: Д. Постников, А. Надежкин, В. Голубев, В. Комаров, В. Фролов, М. Жернакова, М. Юнусов, А. Тюрихин, Ю.И. Кузнецов, В.В. Архипова, сыгравшие большую роль в научном обеспечении нефтяной геологии Башкортостана.

В 1949 г. трест «Башнефтеразведка» разделился на два самостоятельных разведочных треста «Башзападнефтеразведка» в г. Октябрьском и «Башвостокнефтеразведка» в г. Бирске. При трестах были организованы конторы глубокого бурения и геолого-поисковые конторы. Последние занимались геологической съемкой и структурно-поисковым бурением с целью выявления глубинных антиклинальных складок в условиях несоответствия структурных планов поверхностных и нижележащих отложений.

Стерлитамакская геолого-поисковая контора (СГПК) общей численностью более 1000 человек имела три нефтеразведочные партии, состоящие каждая из трех буровых бригад, проводивших бурение в зоне развития нижнепермских рифовых массивов и линейных антиклинальных складок Предуральяского прогиба. Главным инженером, а затем директором СГПК работал Валентин Дмитриевич Шашин, будущий министр нефтяной промышленности СССР (1965—1977 гг.), а главным геологом — Николай Иванович Мешалкин, впоследствии главный геолог треста «Башзападнефтеразведка».

Когда в 1953 г. я приехал в Стерлитамак, директором СГПК был Амир Хазиахметович Адршин, а главным геологом — Николай Иванович Ключников — участник ВОВ, демобилизовавшийся в чине майора. К тому времени вся территория платформенного Башкортостана была покрыта геологическими съемками масштаба 1:50 000. Возник вопрос, где дальше работать? По инициативе главных геологов восточного и западного трестов Федора Семеновича Куликова и Николая Ивановича Мешалкина в 1953 г. были начаты геолого-съемочные работы в зоне складчатого Урала, которые сопровождалось бурением скважин глубиной до 2500 м, а местами 5000 м. В том же году впервые в горной части Урала нефтяниками была пробурена скважина № 33, на хребте Каратау, глубиной 430 м, вскрывшая под средним девонем ашинскую свиту венда. Нефтяная промышленность республики была на подъеме. Уже были открыты Туймазинское, Серафимовское, Шкаповское и Чекмагушевское месторождения. Два года оставалось до открытия Большого Арлана. Нефть казалась нескончаемой. Эйфория была такой, что большинство геологов не понимали, для чего нужно исследовать «бесперспективный» Урал.

Геологосъемочные работы были начаты на хребте Каратау, где в естественных обнажениях вскрываются мощные толщи пород рифея и венда, с которыми уже тогда передовые геологи Башкортостана и страны связывали высокие перспективы Волго-Уральской области на нефть и газ. В результате детальных исследований были получены сенсационные сведения об аллохтонном строении Урала. Вопреки традиционным представлениям о вертикально-блоковой структуре складчатой области, здесь были открыты шарьяжи, переместившие горные породы на десятки и сотни километров с востока на запад на Восточно-Европейскую платформу. Оказалось, что правы были те расстрелянные в тридцатые годы геологи-мобилисты, которые доказывали шарьяжный стиль тектоники Урала.

К сожалению, в эпоху тоталитаризма невежество «восторжествовало», и шарьяжи были запрещены, как несуществующие в природе дислокации, якобы являющиеся плодом фантазии буржуазных лжеученых. Наши работы позволили восстановить справедливость, они также показали, что под надвинутыми складчатыми сооружениями Урала могут быть обнаружены новые скопления углеводородов.

Открытие шарьяжей, перевернувшее традиционные взгляды на строение Урала, вызвало большой интерес среди крупнейших ученых нашей страны и за рубежом.

Для осмотра шарьяжных структур на Южный Урал в разные годы приезжали академики: Д.В. Наливкин, А.В. Пейве, А.Л. Яншин, Б.С. Соколов, В.Е. Хаин, А.А. Трофимук, Р.Г. Гарецкий, члены корреспонденты АН СССР: П.Н. Кропоткин,

В.Д. Наливкин, Е.Е. Милановский, Л.Н. Овчинников, Н.И. Хитаров и многие другие. С большим знатоком геологии Аппалачей Дж. Роджерсом, специально приехавшим из США в Башкортостан, мы путешествовали по Уралу десять дней. В 1969 г. совместные экспедиции мы провели с десятью геологами из ГДР, прибывшими вместе с А.Л. Яншиным, затем с геологами из Канады, Франции, Швейцарии, Польши, Чехословакии, Японии, Австралии и других стран.

Все они признали покрывную структуру Урала. Однако консервативно мыслящие специалисты, не способные воспринимать новые идеи, продолжали решительно отрицать как существование шарьяжей, так и перспективность Урала на нефть и газ. Поисковые работы, считали они, должны быть сосредоточены в западной части республики, нефтеносность которой доказана. В 1955 г., добыв 15315 тыс. т нефти и газоконденсата, Башкирия вышла на первое место в СССР по добыче, опередив азербайджанских нефтяников. В 1967 г. добыча нефти составила 47,8 млн. т. С 1970 по 1980 г. Башкирия стабильно добывала по 40 млн. т жидкого топлива ежегодно.

Суперфорсированная эксплуатация месторождений велась хищническими способами. Бесконтрольная закачка воды привела к обводнению нефти до 90–95%, что сделало разработку старых месторождений нерентабельной. Закачка пластовой воды явилась причиной засоления многих пресных источников, ставших непригодными для питья. Экология в советское время была запретной темой, и никакие исследования по этой проблеме не проводились. Сигналы с мест о неблагоприятной обстановке рассматривались как злостная провокация и карались. Государственные планы должны были выполняться любой ценой.

Доходами от нефтяной отрасли щедро финансировались зарубежные компартии и народно-освободительные движения в развивающихся и капиталистических странах, а также различные малообоснованные проекты, а нефтедобывающие регионы страны пребывали в бедственном положении. Старая, изношенная техника, низкая зарплата, необустроенный быт, неблагоприятная экологическая обстановка, все это мало тревожило центр.

Людей же на местах не покидает чувство беспокойства и тревоги за судьбу нефтеносных земель Башкортостана, куда питьевую воду возят из соседних районов, а на очистные сооружения не хватает денег. Не уходит ли нефть, добываемая в ущерб здоровью населения «в песок»?

В последние годы темпы добычи нефти у нас постоянно снижаются, а легкоизвлекаемые запасы углеводородов в отложениях палеозоя западного Башкортостана истощились: Республика, давшая стране более 1,5 млрд. т нефти, осталась наедине со своими проблемами.

В июле 1985 г. Башкирский обком КПСС, заслушав на бюро мой доклад, принял постановление о бурении на Урале десяти глубоких скважин «для подтверждения новых теоретических положений и оценки нефтегазоносности структур в пределах Горной и Зауральской Башкирии». Пробурить успели одну — на западном склоне хребта Уралтау.

В 1987 г. Башкирскую академическую науку подчинили Свердловску, произошла смена партийного руководства, повлекшая за собой и смену республиканской политики в сфере науки и нефтяной геологии. Новый секретарь Р.Х. Хабибуллин встретил меня в своем кабинете словами: «Мы не будем бурить глубокие скважины на Урале для удовлетворения Вашего любопытства!»

Стерлитамакская геолого-поисковая контора, стоявшая у истоков нефтепоискового дела в республике, и Исянгуловская экспедиция глубокого бурения были упразднены.

В чем же заключается причина негативного отношения к нефтегазовому потенциалу Урала?

Причин несколько. Но главная — охлаждение к Башкортостану Миннефтепрома СССР, интересы которого в ту пору лежали уже далеко за пределами Башкирии — в Западной и Восточной Сибири, куда и направлялись основные технические и финансовые ресурсы. В глазах центра нефтепоисковые работы в Башкортостане были пройденным этапом.

Считалось целесообразным сосредоточиваться на разработке уже открытых здесь месторождений, а не на поиске новых. Разведочные тресты были ликвидированы, а геологопоисковые конторы сокращены до единственной в г. Бирске.

В последнее время во всем мире интересы нефтяных компаний к горно-складчатым поясам постоянно и неизменно возрастают. Поиски нефти и газа сейчас успешно ведутся во многих областях, подобных Уралу: в США, Канаде, Франции, Италии, Австрии, Швейцарии, Венесуэле, Колумбии, Мексике, Тринидаде, Кубе, Боливии, Эквадоре, Перу, Аргентине, Китае, Папуа — Новой Гвинее.

Благодаря Ф.С. Куликову и Н.И. Мешалкину на Урале мы начинали первыми, а сейчас нам предстоит учиться у южноамериканских и африканских геологов.

Скептицизм и страх за «впустую» потраченный метраж ярко проявились и при оценке перспектив нефтегазоносности докембрия.

В 1982–85 гг. в Башкирии выполнялась программа по изучению докембрия с помощью сейсмичности и параметрического бурения. Но после бурения 12 скважин, вскрывших додевон на разную глубину (максимально вскрытая мощность в Орьебаше — 3200 м), и показавших, по мнению многих геологов,

неблагоприятные геохимические условия накопления осадков, отсутствие региональной покрывки и хороших коллекторов, интерес к рифей-вендским отложениям практически пропал¹.

Идею о нефтегазоносности докембрия, возникшую в период работы в Башкирии, А.А. Трофимук смог претворить в жизнь в Восточной Сибири открытием супергигантского месторождения нефти с запасами более 1 млрд. т в отложениях рифейского возраста.

Сравнительный анализ, выполненный нами вместе с А.А. Трофимуком, показал, что геология и история развития Волго-Уральской области и Восточной Сибири в докембрии удивительно похожи друг на друга, что свидетельствует о высоких потенциальных возможностях Башкортостана, где необходимо продолжить поисковые работы.

В последние годы большой интерес вызывает проблема поисков нефти и газа в архей-раннепротерозойском фундаменте Восточно-Европейской платформы (Б.М. Юсупов, Р.Х. Муслимов, И.Н. Плотникова, Л.М. Ситдикова и др.), пока еще весьма слабо изученном бурением.

В нефтяной геологии нередки случаи, когда научные прогнозы отстают от эмпирических данных и практических результатов, а открытия нефти происходят случайно или вопреки теоретическим предпосылкам. Это объясняется, с одной стороны, крайне медленным накоплением знаний в науках о Земле, с другой — ошибочными теоретическими построениями, из которых вытекает бесперспективность тех или иных геологических объектов. Так геологи отрицали потенциальные возможности различных толщ горных пород и целых регионов, которые по мере возрастания знаний оказывались богатейшими нефтегазоносными зонами.

Поиски нефти — это всегда борьба мнений. Борьба между новыми и старыми знаниями, а в конечном итоге — между стремлением к знаниям и их отрицанием. На вопрос: действительно ли в том или ином регионе нет нефти или для ее открытия у геологов не хватает знаний, веры, мужества, терпения, можно правильно ответить лишь с помощью настойчивого изучения геологии.

Литература:

Архангельский А.Д. Где и как искать новые нефтяные области в СССР? // Нефть. хоз-во. 1929. № 6.

Башкирская нефть. М.: Недра, 1982. 270 с.

Вахрушев Г.В. Краткий геологический очерк южной части Стерлитамакского и западной части Зилаирского кантона // Хоз-во Башкирии. 1929. № 6–7.

Губкин И.М. Башкирская нефть, ее значение и перспективы развития. Уфа: Изд-во Башгосплана, 1932.

¹ Это не так. Например, параметрические глубокие скважины Леуза-1 и Восточно-Аскинская-1 были закончены бурением в 2001 г. и 2004 г. соответственно; осуществляется программа регионального сейсмопрофилирования с целью изучения строения глубинных горизонтов (Прим. ред.).

Ерофеев С.С. Отчет о командировке летом 1877 года в Самарскую, Симбирскую и Казанскую губернии // Горн. журнал. 1878. №№ 4–5.

Замятин А.Н. Самарское, Сюкеевское и Стерлитамакское месторождения // Естеств. производительные силы России. 1918. Т. IV. Вып. 22.

Казанцева Т.Т. Аллохтонные структуры и формирование земной коры Урала. М.: Наука, 1987. 157 с.

Казанцев Ю.В. Структурная геология Предуральского прогиба. М.: Наука, 1984. 184 с.

Камалетдинов М.А. Покровные структуры Урала. М.: Наука, 1971. 230 с.

Краснопольский А.А. О нахождении нефти близ Стерлитамака // Изв. Геолкома, 1902. Т. 21, № 3.

Ованесов Г.П. Формирование залежей нефти и газа в Башкирии. М.: Гостоптехиздат, 1962. 280 с.

О вероятности открытия месторождений нефти во внутренних губерниях России // Горн. журнал. 1863. № 7.

Павлов А.П. Самарская Лука и Жигули // Тр. Геолкома. 1887. Т. 11, № 5.

Репрессированные геологи. М.; СПб: Изд-во ВСЕГЕИ, 1995. 210 с.

Романовский Г.Д. О Сакмарских нефтяных источниках, каменноугольной почве Стерлитамакского уезда и о некоторых новых открытиях в северо-восточной части Оренбургского края // Горн. журнал. 1868. № 8.

Тимергазин К.Р. Очерки по истории Башкирской нефти. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1956. 90 с.

Трофимук А.А. Нефтеносность палеозоя Башкирии. М.; Л.: Гостоптехиздат, 1950.

Трофимук А.А., Камалетдинов М.А., Казанцева Т.Т., и др. Перспективы нефтегазоносности венд-рифейских отложений Башкортостана // Геология. Изв. Отделения наук о Земле и экологии АН РБ. Уфа. 1997. № 1. С. 84–89.

Чердынцев В.А., Попов Е.Е., Миртова А.В., Тихвинская Е.И. Краткий геологический очерк Белебеевского кантона БАССР // Хоз-во Башкирии. 1929. № 4–5.

Штукенберг А.А. Геологические исследования 1876 года // Тр. Об-ва естествоисп. при Каз. ун-те. Казань. 1879. Т. 6. Вып. 2.